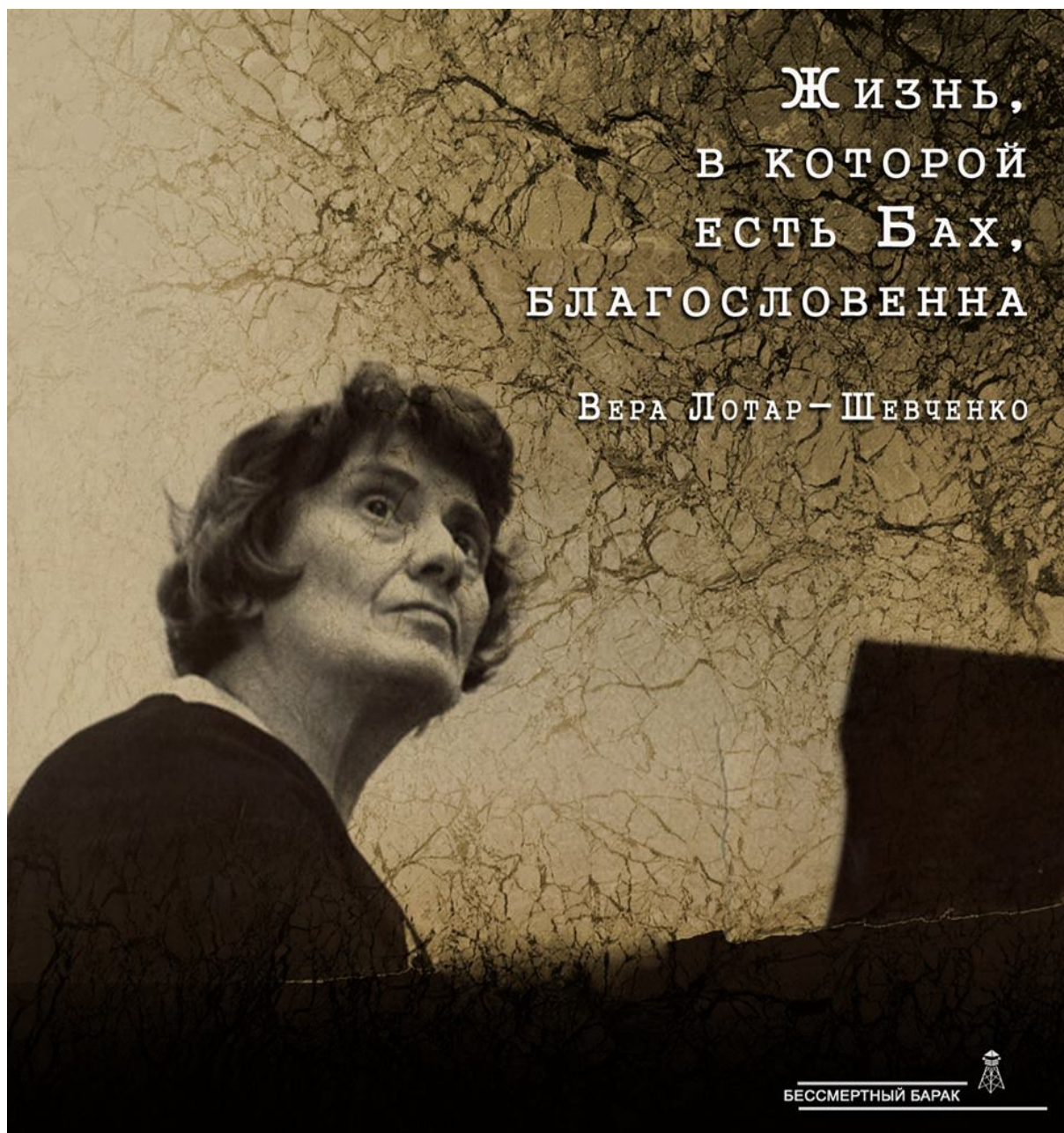

За роялем Лотар-Шевченко

Весной 1949 года по улицам Тагила в поисках музыкальной школы бродила женщина. В залосненном ватнике, юбке из грубой ткани, стоптанных парусиновых туфлях, она обращала на себя внимание, хотя многие в те послевоенные годы одевались более чем скромно: до полного достатка было еще далеко. Найдя, наконец, нужный дом, странная женщина попросила у дежурной разрешения:

- Не могли бы вы показать свободный класс с инструментом.

Сев за пианино, она не сразу опустила руки на клавиши: она их боялась. Десять мучительно долгих лет она видела эти бело-черные брусочки только в воображении. Сильное волнение охватило ее, едва извлекла первый звук - долгий, тревожный и трепетный. Надо попробовать, надо попробовать, - стучало в голове. - Возможно, я еще что-то помню.

Двести классических вещей, творений величайших композиторов мира, сберегала когда-то ее уникальная память. Десять лет она проигрывала их пальцами... по столу.

Дрожащей рукой женщина вновь прикоснулась к клавишам, маленький зал наполнили звуки сонат Шопена. Их сменили мощные аккорды торжественной и печальной музыки Бетховена. Пианистка ничего и никого не видела. Музыка увела ее в далекое прошлое.

Когда звуки смолкли, раздались аплодисменты. Это преподаватели и ученики собрались у открытой двери. Импровизированный концерт длился час, может быть, два. Уроки были сорваны: никто не спешил в свой класс, все хотели слушать еще и еще.

Первой, на правах хозяйки, к пианистке подошла директор школы Мария Николаевна Машкова. Она расспросила незнакомку, кто она, откуда, и узнав, что музыкальная школа - первый дом в Тагиле, куда эта женщина вошла, Мария Николаевна приютила ее, обласкала.

Так в нашем городе появилась знаменитая в прошлом французская пианистка Вера Августовна Лотар-Шевченко.

Необычна судьба этой женщины.

Родилась в Париже в семье профессора Сорбонны, энтомолога. Еще в школьные годы вместе с отцом, который брал ее с собой в экспедиции, объездила многие страны Азии и Африки, была в Австралии.

Мать, испанка по происхождению, была пианисткой.

Рано проявила большие способности к музыке и дочь. К детским годам относятся ее первые концерты. Игру совсем юной Веры хвалил Ромен Роллан. Она получила блестящее музыкальное образование в консерваториях Парижа и Вены.

Выйдя замуж за инженера-акустика Шевченко, работника советского торгпредства в Париже, Вера Августовна, спустя годы, переехала в Ленинград, не подозревая, какими жестокими испытаниями обернется этот шаг.

Наступил 1937-й... Работа и пребывание во Франции оказались достаточными мотивами, чтобы обвинить инженера. Его арестовали. Жену отправили на десять лет в лагерь на север Свердловской области, а сына - в детский дом, где он умер.

Не знаю, какую работу заставляли Веру Августовну делать в лагере. Сама она никогда об этом не говорила, а спрашивать... Как можно об этом спрашивать! Зачем беречь кровотокающие раны! Да и какая разница, какие каторжные работы она выполняла. Важно, что все вынесла и снова могла жить и творить. Но все же один свидетель мог рассказать о страшных годах - ее руки!

Не утонченные длинные пальчики пианистки, а грубые, натруженные, красные руки человека, выполнявшего тяжелую физическую работу. Вере Августовне запрещено было въезжать в столичные города. А так как нигде ни родственников, ни знакомых, она попросилась в любой город, где есть музыкальная школа.

Без друзей и знакомых, без гроша в кармане тяжело человеку. Особенно женщине, да еще плохо говорящей по-русски, особенно с лагерным документом. Мария Николаевна устроила Лотар-Шевченко на полставки в музыкальную школу. Не педагогом (куда там!), а иллюстратором. Вот, мол, дорогие дети, если будете хорошо учиться, достигнете такого же мастерства.

В те годы ставка преподавателя в музыкальной школе была мизерная, а полставки - только на хлеб и тарелочку супа.

Кто-то из новых знакомых посоветовал Вере Августовне обратиться в драматический театр. Она туда пришла, села за инструмент, сыграла и... победила: ее приняли концертмейстером. Более того, предоставили небольшую изолированную комнату в квартире, где жила семья артиста. Именно в это время я узнал о необыкновенной пианистке от главного режиссера Бориса Осиповича Потика, с которым был близко знаком. В театре мне и довелось впервые услышать игру Веры Августовны. Был потрясен, хотя слушатель я рядовой, дилетант.

Готовых клавиров к спектаклям Вера Августовна не имела и своих записей музыки не вела: ей было недосуг писать ноты. Все строилось на импровизации.

Более близко мы познакомились в 1952-м году, когда наша семья приобрела пианино, младшего сына в тот год приняли в первый класс музыкальной школы, а к старшему хотелось пригласить учительницу. Вера Августовна жила в доме рядом. И, естественно, выбор пал на нее. К тому времени у нее было не только две работы, но и достаточно учеников: слава о ней разнеслась по всему городу.

Хочется сразу сказать, что деньги ее мало интересовали. Она к ним относилась как-то небрежна. Не потому, что их стало много, а потому что, кроме самого минимума ей ничего было не надо. Частенько она оставалась даже без обеда: некогда поесть. К тому же обед еще надо готовить, закупать продукты. Мир музыки был ее родной стихией. Все остальное не трогало, не волновало.

Когда мы договаривались об уроках. Вера Августовна задала только один вопрос: Ваш сын способный?. Она не признавала длительного разучивания гамм. Месяца через два после начала занятий она сделала серьезное замечание своему ученику:

- Как тебе не стыдно. Такой большой, уже тринадцать лет, и ты плохо играешь сонату Бетховена, а он написал ее, когда ему было восемь!

В разговоре Вера Августовна была очень живой, импульсивной, с характерным французским выговором русских слов. Она меня не понимает, - жаловалась на телефонистку.

После уроков Вера Августовна частенько у нас задерживалась, много играла в свое удовольствие. Ее манера напоминала мне игру Эмиля Гилельса - мощный аккордный удар. Взгляд пианистки устремлялся в бесконечность. Только ей ведомо было, куда уносилась она мыслями в эти минуты. Сидящие вокруг как бы переставали существовать для нее. Не дай Бог, если в это время звонил телефон и приходилось брать трубку. Она возвращалась к реальности и больше играть не могла.

Вера Августовна иногда теряла контроль над временем, и тогда при ее рассеянности возникали курьезные ситуации. Как-то однажды от нас она должна была отправиться на концерт во Дворец культуры металлургов. Времени оставалось в обрез. Не успели мы оглянуться, как Вера Августовна, забыв свои туфли и надев боты нашего сына, умчалась на концерт. Благо, перед самым началом она увидела в зрительном зале знакомую и послала к ней гонца, чтобы позаимствовать на время выступления туфли.

Ее тянуло к большой концертной деятельности, и в 1954 году Лотар-Шевченко поступает в Свердловскую филармонию. Сольные выступления были довольно редки. Чаще всего концерты сборные, в составе

инструментальных трио и квартетов. В таком составе она часто приезжала в Тагил и заходила иногда к нам, репетировала. В один из таких она настояла, чтобы моя больная жена показала хорошему специалисту.

- В нашем подъезде живет профессор-невропатолог. Его жена, с которой я хорошо знакома, устроит консультацию, - заявила Вера Августовна. И вот мы в маленькой комнатке, которую Лотар-Шевченко снимала в квартире вдовы профессора политехнического института. Кабинетный рояль, старенькая, выдавшая виды, кушетка, стул и, кажется, больше ничего.

В ожидании встречи с невропатологом мы узнали такую историю. Лотар-Шевченко обратилась во французское посольство в Москве, чтобы узнать о судьбе родителей. Через некоторое время к ней явился секретарь посольства и настойчиво предлагал возвратиться в Париж, гарантировал концертную деятельность первый год во Франции, а затем в любой столице мира. Но это заманчивое предложение Вера Августовна категорически отклонила, как будто вся ее жизнь в Союзе была усыпана розами:

- Зачем возвращаться! Мне и здесь хорошо.

Нас поразило ее поступок, отсутствие смертельной обиды, озлобленности после всего, что она пережила за десять лет в лагерях.

В Свердловске концертная деятельность не сложилась так, как ей хотелось, и пианистка перебралась в Барнаул, поступила в Алтайскую краевую филармонию.

Связь наша оборвалась, мы потеряли Лотар-Шевченко из вида.

Однажды, кажется, в конце шестидесятых, в Комсомольской правде появилась большая статья о Вере Августовне. Корреспондент рассказывал, как в один из зимних дней увидел в барнаульском клубе афишу. Его поразила программа - старинная фортепианная музыка французских композиторов. Такой редкостной программы он и в Москве не встречал. Любопытство взяло верх, хотелось посмотреть и послушать какую-то смелую Лотар-Шевченко. И он рискнул. Почти в пустом холодном зале сидели в пальто десятка два слушателей. Вышла женщина, не очень артистично поклонилась на редкие хлопки, села за рояль и начала играть. Играла неистово, одну вещь за другой, не замечая ни пустого зала, ни холода.

После концерта корреспондент прошел за кулисы, представился и попросил Веру Августовну рассказать о себе. Два часа, затаив дыхание, слушал он печальную повесть о трех периодах ее жизни, чтобы поведать потом миллионам читателей. Через полгода в той же Комсомольской правде сообщалось, что Веру Августовну пригласили в Новосибирскую филармонию, дали квартиру, организовали сольные концерты. После этого афиши с ее именем появились в Москве и Ленинграде, крупнейших городах страны. Тысячи и тысячи слушателей оценили выдающийся дар пианистки.

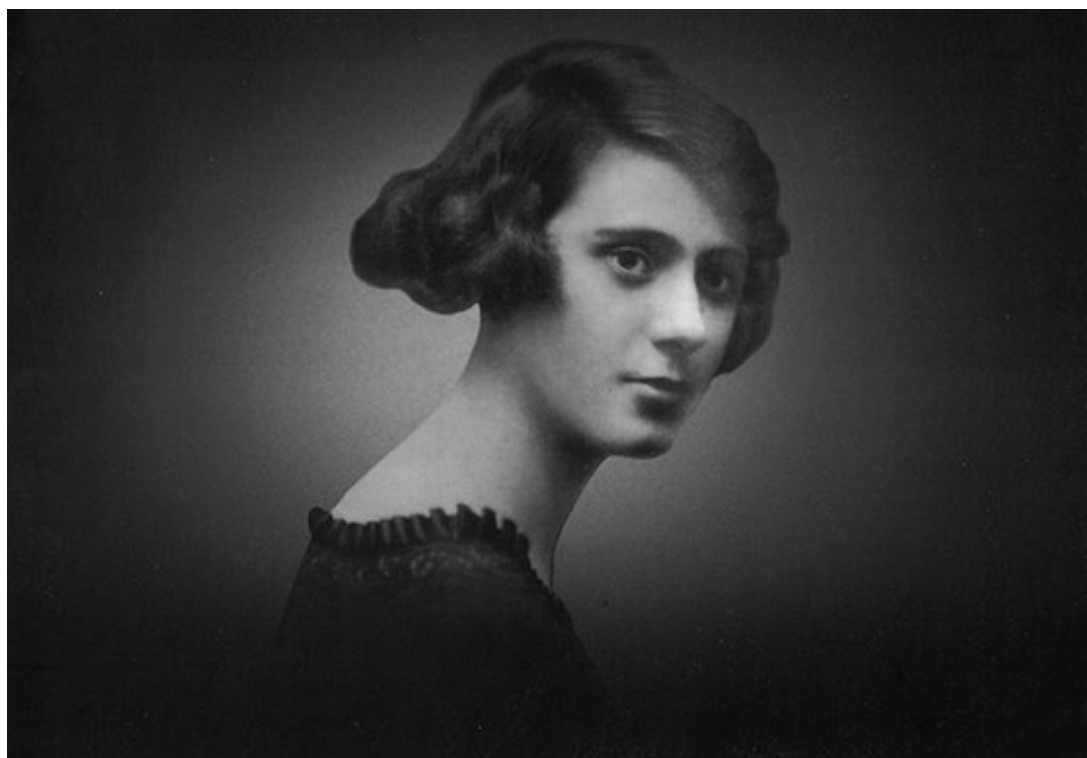
Еще годы спустя она вошла в каждый дом с экрана телевизора как Руфь в одноименной ленте Таджикфильма. Замечательная французская кинозвезда Анни Жирардо прожила для зрителей жизнь Веры Августовны.

Э.Ю. Фискинд

Литература: Тагильский краевед.

Альманах. - Нижний Тагил, 1992.-128 с., ил.

Странная француженка

Я слушаю пластинку - затертую гибкую сорокопятку из давнишнего Кругозора. Несовершенство записи и появившиеся от частого проигрывания дефекты очевидны. Но даже они не способны уменьшить впечатление, погасить необъяснимое душевное волнение, вызванное этой музыкой. Бурной, яростной, сопротивляющейся и. всепобеждающей. Экспрессивная, напористая, мужественная манера игры, хотя за роялем - женщина.

Ее всегда упрекали за взрывной темперамент при исполнении классики, - звучит голос диктора, комментирующий только что прозвучавший фрагмент, а следом другой, с очень сильным акцентом: По-другому я не могу. Просто у меня так получается. Эта уникальная запись позволила услышать игру и голос знаменитой пианистки Лотар-Шевченко.

Подробно о судьбе Веры Августовны газета уже писала в марте прошлого года. Поводом послужила премьера, показанного по ЦТ, фильма Руфь, прототипам главной героини которого (как сообщали анонсы) и была известная музыкантша. Однако все, кто знал и помнил Веру Августовну, нашедшую временное пристанище в нашем городе, не нашли ничего общего с эксцентричной и отнюдь не музыкальной особой, сыгранной, хотя и мастерски, французской актрисой Анни Жирардо. К его величеству факту в фильме было проявлено такое пренебрежение, что даже расплывчатая и часто употребляемая формулировка по мотивам была бы неуместна. Обо всех имеющихся в нем искажениях: и несоответствиях написал тогда Э. Фискинд, подробно изложивший биографию Лотар-Шевченко, с которой был знаком.

Выпускница Парижской и Венской консерваторий, блестящая пианистка, которой рукоплескала вся Европа, 10 лет провела в сталинских лагерях. Ее арестовали в 37-м, в Ленинграде, как жену советского специалиста -

представителя торгпредства в Париже, репрессированного по доносу. Освободившись, Вера Августовна, жить которой в столичных и крупных городах запретили, попросилась в ближайший город, где есть музыкальная школа. Так она очутилась в Нижнем Тагиле.

...Старинное немецкое пианино с подсвечниками. Она очень любила этот инструмент, уют и гостеприимство этой квартиры. Собранная здесь библиотека французских книг подарила редкую возможность читать на родном языке.

- Скажите, а каким она была педагогом? Наверное, очень строгим? - спрашиваю у хозяйки, преподавателя кафедры истории СССР педагогического института Татьяны Константиновны Гуськовой, которой посчастливилось быть ученицей Лотар-Шевченко.

- Вера Августовна всегда давала очень трудные вещи. Терпеливо слушала. А потом подходила к инструменту со словами: Нужно играть вот так, - и исполняла произведение - одно, другое, третье. Так урок превращался в концерт, и все, кто был рядом, бросали дела и, затаив дыхание, слушали.

Она не походила на француженку, о которой мы, нечастые гости зарубежья, знаем лишь понаслышке и потому рисуем в своем воображении изящную законодательницу мод. И не потому, что в Тагиле Лотар-Шевченко появилась, когда ей было уже около 50-ти. Она жила в каком-то своем особом мире, была абсолютно беззащитна и непрактична в делах житейских, бытовых. Казалось, что ей безразлично, как она питается, во что одета. Музыка заполняла ее всю без остатка, была смыслом существования, жизнью и счастьем. Это видно даже из письма, которое бережно хранит Татьяна Константиновна. Почти все, от начала и до конца, оно о музыке...

Ездил на гастроли с оркестром в Архангельск, Мурманск и т.д. Сейчас очень много работаю и готовлю концерт к юбилею Шопена. Буду играть 24 этюда и четыре баллады. Концерт разрешили дать после прослушивания в Москве, комиссия дала мне блестящие отзывы. Как странно и противоположно это мнение тому, что было в Свердловске. Меня приняли не только как шопениста, но и исполнителя Баха, Бетховена, с чем я не совсем согласна.

Действительно, переехав в Свердловск, пианистка ощутила неприятие. Очевидно, местные знаменитости ей просто завидовали.

- До тех пор, пока я не услышала в ее исполнении Шопена, считала его музыку утонченно-изысканной, несколько салонной, - вспоминает Т.К. Гуськова. - Наполненные бурным темпераментом произведения в ее исполнении звучали и воспринимались совсем по-новому. Не только в музыке, но и в характере Веры Августовны наблюдалась некая порывистость, горячность - вероятно, эти качества она унаследовала от матери - испанки знатного рода.

Создатели фильма Руфь буквально зациклились на одном реальном факте из жизни пианистки: ее отказе вернуться на Родину. При нынешнем повальном безоглядном бегстве, на Запад они расценили этот поступок как: сверхгероический. Вера Августовна так не считала. Просто из близких ей людей и родственников во Франции никого не осталось. А главное, с наступлением оттепели к ней пришла всесоюзная известность. Она получила приглашение в Новосибирскую филармонию, начались гастрольные поездки по концертным залам Москвы и Ленинграда. Никогда не проявлялись в ней ни злоба, ни ожесточение, ни ненависть за

ту горькую чашу, которую она была вынуждена испить. Считала годы, проведенные за колючей проволокой, просто несчастьем, выпавшим и на ее долю.

...Я оказалась не первым визитером, интересующимся судьбой Веры Августовны. Недавно в Тагиле побывали документалисты из Новосибирска - города, где закончился жизненный путь пианистки. Надеемся, что на этот раз фильм получится искренним, честным, а главное - правдивым.

Н. ДУЗЕНКО.

Литература: Газета Тагильский рабочий от 02.04.1991.

Ее слушал Ромен Роллан

Сегодня в училище искусств состоится вечер, посвященный 100-летию французской пианистки Веры Лотар-Шевченко.

Ее трагическая судьба и ее имя связаны с Нижним Тагилом. О необыкновенной истории Веры Августовны рассказывает историк и краевед, почетный гражданин нашего города Татьяна Константиновна ГУСЬКОВА.

...Директор музыкальной школы №1 М.Н. Машкова с удивлением рассматривала странную посетительницу в тюремном наряде, которая, путая русские и французские слова, просила... допустить ее к фортепьяно играть концерт.

Просьбу исполнила, но все же заглянула в приоткрытую дверь. Гостя сбросила ватник и некоторое время молча сидела, осторожно касаясь клавиш натруженными изуродованными руками. И вдруг раздались мощные, торжествующие звуки бетховенской сонаты, которую Вера Лотар когда-то играла Ромену Роллану.

Бетховен, Шопен, Бах, еще раз Бетховен - целый водопад музыки затопил небольшой зал школы. Сбежались дети, педагоги, уроки прекратились. А пианистка все играла и играла, ни на кого не обращая внимания. Она была похожа на изголодавшегося человека, которому дали, наконец, кусок хлеба.

Таким был первый концерт Веры Августовны Лотар-Шевченко в Нижнем Тагиле. Она прожила здесь несколько лет, и это было большим счастьем для тагильчан. Они впервые могли слышать живую музыку великих композиторов в первоклассном исполнении выдающейся пианистки с мировым именем.

Носитель большого искусства, Вера Августовна была человеком необычным, трагической и в то же время героической судьбы, не согнувшимся под ее ударами и сохранившим в себе, несмотря ни на что, редкий дар творчества. И способность приобщать к нему всех, кто ее слушал или соприкасался в жизни.

Она удивляла и поражала. На ее выступлениях, где бы они ни проходили - в школьном зале или тесном домашнем кругу, - не было равнодушных. Она покоряла тех, кто слушал - от самых простых, неискушенных людей до профессионалов, порой не соглашавшихся с ее трактовкой отдельных произведений.

Репертуар Лотар-Шевченко был безграничен. Ее поразительная память хранила едва ли не все выдающиеся произведения западной и русской музыки: Бах, Бетховен, Моцарт, Чайковский и др. Самыми любимыми и наиболее часто исполняемыми были Бетховен, Шопен и Бах.

Безукоризненное чувство стиля каждого композитора, богатая палитра оттенков в сочетании с мужественной волевой манерой игры производили неизгладимое впечатление, завораживая слушателей. Чутко чувствуя красоту великой музыки, она никогда не делала скидок на аудиторию.

Человек, плохо приспособленный к жизни, Вера Августовна нередко удивляла окружающих своими эксцентричными поступками. Это объяснялось ее ярким испанским темпераментом и... плохим знанием русского языка. А главное, она всегда жила в своем, особом, мире музыки, который составлял всю ее жизнь. Те, кто ближе знал Лотар-Шевченко, хорошо понимали это. А друзей и знакомых у Веры Августовны в Тагиле было немало. Они помогли ей найти постоянную работу в драматическом театре в качестве музыкального оформителя. Там она познакомилась с известным режиссером Владимиром Мотылем и стала почти членом семьи артистов Островских, в квартире которых снимала комнату.

Но самым любимым ее занятием были уроки музыкальной литературы в музыкальной школе №1, где она играла произведения композиторов, о которых рассказывал детям преподаватель. Для учеников это было настоящим праздником музыки, запомнившимся на всю жизнь.

Давала она и частные уроки в семьях тагильской интеллигенции - Покровских, Римши, Фискиндов, Гуськовых и многих других. Там ее ожидало самое теплое и внимательное отношение. Старались обогреть и накормить, а главное - услышать чарующую музыку. Уроки превращались в импровизированные концерты, которые могли длиться часами. От возможности выступить с любой программой в любой аудитории Вера Августовна никогда не отказывалась. Ее единственным условием был приличный инструмент. Она очень много работала, восстанавливая свой репертуар, свою рабочую форму.

Имя Веры Лотар в 20-30-е годы XX века было хорошо известно в музыкальных кругах Европы и Америки. Она родилась в 1906 году в Париже, в семье профессора Сорбонны. Концертную деятельность начала с 14 лет. Ее учителями были знаменитые музыканты: Эжен, Д'Альбер, Альфред Кокто и Эмиль Зауэр. В Италии познакомилась с русским эмигрантом-антифашистом А. Шевченко и стала его женой. В 1937 году вместе с мужем и детьми приехала в СССР с мечтой обрести здесь свою новую родину и служить ей своим талантом, которым восхищался великий французский писатель и знаток творчества Бетховена Ромен Роллан.

Но судьба сложилась иначе. Первый год Вере Августовне, получившей в России новую фамилию Лотар-Шевченко, казалось, что все ее мечты сбываются. Семью приняли радушно, обеспечили квартирой и интересной работой (ее муж имел редкую и востребованную профессию инженера-акустика). Ленинградцы сразу же оценили блистательную игру французской пианистки.

Но уже через несколько месяцев по доносу был арестован муж Веры Августовны. При тщетных попытках доказать его невиновность она сама оказалась в тюрьме, а их дети попали в один из городских детдомов. Вера Лотар-Шевченко не знала русского языка, в России у нее не было никого, кто бы мог помочь, и она отсидела в лагерях ГУЛАГа полный срок -15 лет! В тюрьме узнала о смерти мужа, о том, что во время бомбежки погибли дети. Не помнит, как удалось пережить этот страшный удар: жила как в тумане, воспринимая окружающее как страшный, невероятный сон. Товарищи по заключению жалели ее и старались как-то облегчить участь. Последние годы она работала на кухне, мыла и резала овощи, делила пайки заключенных. Ее уважали за честность и твердый характер. Для нее сделали дощечку с изображением клавиш. И вечерами, когда все засыпали, пианистка мысленно проигрывала на этой клавиатуре свой огромный репертуар.

Осенью 1952 года она оказалась в Тагиле (в больших городах было запрещено жить и работать), а здесь, как она узнала, была музыкальная школа.

Казалось, жизнь налаживалась. Музыка была снова рядом с ней, но хотелось выйти на простор, сыграть с оркестром, выступить в настоящих концертных залах. Такая возможность представилась после полной реабилитации, когда, наконец, разрешили жить в больших городах, кроме столицы. Она сразу же уехала в Свердловск, где два года проработала в областной филармонии. Затем пианистку пригласили в Барнаул, Курган. Однако концертная жизнь по разным причинам складывалась непросто и не давала полного удовлетворения.

Помощь пришла неожиданно. На ее концерте в сельском клубе случайно оказался московский журналист, корреспондент Комсомольской правды Симон Соловейчик. Пораженный необычайной программой незнакомой пианистки, он был потрясен игрой В.А. Лотар-Шевченко. Журналист написал статью в газету о судьбе французской пианистки в России и пригласил ее в редакцию Комсомольской правды. Ее концерт, на котором присутствовали известные музыканты Москвы, прошел блестяще. Одна из слушательниц, выдающаяся пианистка и известная право-защитница М.В. Юдина, сумела организовать прослушивание В.А. Лотар-Шевченко квалификационной комиссией Министерства культуры. Ее игру признали великолепной и присвоили высшую категорию с правом выступать в

самых престижных концертных залах Москвы, Ленинграда и других крупных городов, помогли устроиться на работу в Новосибирскую филармонию.

Судьбой Веры Августовны заинтересовалась пресса: о ней много писали, в том числе и те, кто ее слушал или просто узнал. Вспомнили Веру Лотар-Шевченко и на родине. С ней беседовал представитель французского посольства, предложил вернуться во Францию. Но она отказалась покинуть страну, где пережила немало горя, но в то же время нашла друзей и благодарных слушателей. Счастлива страна, где любят Баха - эти слова она сказала представителю посольства. Впоследствии ее друзья поместили их на памятнике, поставленном на могиле Веры Августовны в Новосибирске. Она прожила там последние счастливые годы.

Как солистка Новосибирской филармонии она много гастролировала, ее концерты пользовались огромным успехом. Особенно часто выступала в Москве, где жили самые близкие друзья (семья Соловейчиков и А.К. Гуськова), а главное, неожиданно нашелся ее сын, которого считала погибшим: Денис Яровой (такую фамилию он взял, вернувшись с фронта) стал выдающимся скрипичным мастером. Его дети были любимыми внуками Веры Августовны.

История французской пианистки, ставшей советской гражданкой и прожившей несколько лет в нашем городе, не кончилась с ее уходом из жизни. Благодарная память о ней и счастье, которое доставляла ее игра, навсегда остались в сердцах слушателей. Новосибирск торжественно отметил 100-летие со дня рождения В.А. Лотар-Шевченко. Там прошел музыкальный фестиваль и международный конкурс пианистов, который отныне будет проходить регулярно.

Подобные торжества, посвященные Вере Августовне, прошли в Барнауле. Теперь эстафету памяти принимает Урал. В марте-апреле 2007 года музыкальный фестиваль и конкурс пианистов пройдут в Екатеринбурге и других городах области. Почетное право открытия этих торжеств предоставлено Нижнему Тагилу.

Т. ГУСЬКОВА.

Литература: Газета Тагильский рабочий от 10.03.2007.

Жизнь, в которой есть Бах

Необыкновенная судьба Веры Августовны Лотар-Шевченко - выдающейся пианистки французского происхождения.

Вера Августовна Лотар-Шевченко была выдающейся пианисткой французского происхождения, которая волею судеб долгое время жила в СССР, где и окончила свой жизненный путь. Её трагической судьбе посвящено множество публикаций в СМИ, о ней сняты художественный и документальные фильмы, её именем назван международный конкурс молодых пианистов в Новосибирске, где она провела последние годы жизни. Со временем её многотрудная жизнь обросла легендами, и некоторые факты её биографии в разных источниках трактуются по-разному.

Жизнеописание этой выдающейся женщины ждёт своего скрупулёзного исследователя, имеющего доступ к архивным документам.

Впервые о Вере Лотар-Шевченко написал известный педагог и журналист Симон Соловейчик. Статья называлась Пианистка и была опубликована 19 декабря 1965 года в Комсомольской правде. История, описанная в этом материале, прозвучала сенсационно и сделала имя исполнительницы известным в стране. Позже появились другие публикации, а в 1989 году был снят художественный фильм «Руфь», где блистательная Анни Жирардо создала образ этой талантливой женщины с трудной судьбой. В детстве мне посчастливилось короткое время общаться с Верой Августовной и даже получить у неё несколько уроков игры на фортепиано. Это было в начале 50-х годов. Мы жили тогда на Вые, одном из окраинных районов Нижнего Тагила, в сорокашке, как все называли тогда этот почти единственный благоустроенный дом в округе, где жили инженерно-технические работники Высокогорского рудника. Однажды по дому пронёсся слух, что в городе появилась какая-то необыкновенная учительница музыки. Многие матери семейств поспешили заполучить её для обучения своих чад. Наша соседка пригласила эту учительницу для подготовки дочери к поступлению в консерваторию.

В нашей семье пианино не было, но мама, поддавшись общему ажиотажу, тоже захотела обучать меня музыке. Она договорилась с соседкой, и вскоре меня привели в большую гостиную, где стоял огромный чёрный инструмент с латунными подсвечниками по бокам. Учительница вошла в комнату, тяжело передвигая отёкшими ногами. Это была пожилая полноватая женщина с нездешним лицом. Она говорила по-русски с чудовищным акцентом, я с трудом понимала её речь. Учительница поставила на пюпитр ноты Школы Бейера и предложила разбирать эти, может быть, и полезные, но невообразимо скучные пассажи. Преподавательница строго следила за правильной постановкой рук. У меня это плохо получалось, и она часто покрикивала: Круглый! Хотя мне было всего шесть лет, я почувствовала, что занятия эти учительницу тяготят, и лишь жестокая необходимость заставляет тратить время на таких бестолковых учениц. Она смотрела на меня, но словно бы не видела, думая о чём-то другом, неведомом моему пониманию. Другие авторы воспоминаний о ней тоже отмечали, что учить музыке она не любила. Её стихией была собственная игра, которой она предавалась без остатка. Несмотря на короткое время общения, я запомнила эту необыкновенную женщину на всю жизнь. Через много лет, уже в начале 70-х, я познакомилась с хорошей портнихой, муж которой работал завучем в музыкальной школе. Она хорошо знала и, по-видимому, обшивала музыкальную и театральную элиту нашего города. Однажды я рассказала ей про странную учительницу музыки, так поразившую меня когда-то. Это была Лотар-Шевченко! Я была хорошо с ней знакома и даже шила для неё, - воскликнула моя новая знакомая и поведала мне её скорбную историю. Из этого рассказа и публикаций, прочитанных позже, я узнала о необыкновенной судьбе Веры Августовны.

Местом рождения Веры Лотар обычно указывают Турин, что на севере Италии, но некоторые авторы называют Ниццу. Год рождения тоже не подтверждён документально - от 1899 до 1906. В Википедии, свободной энциклопедии Интернета, написано, что Вера Лотар родилась 10 марта 1901 года. Полное имя девочки было Вера-Аделаида-Кармен. Её отец, родом из Лотарингии, вскоре получил место профессора Сорбонны, и

семья переехала в Париж. Мать, испанка из аристократической семьи, была прекрасной пианисткой. Кроме парижской квартиры, семья владела виллой на Лазурном берегу, где маленькая Вера подолгу жила с бонной - англичанкой. Огюст Лотар часто брал дочь в научные экспедиции. Ещё ребёнком она побывала и в Азии, и в Африке, и в Австралии.

У девочки рано обнаружили большое музыкальное дарование, и в 12 лет она уже солировала с оркестром, которым дирижировал сам Артуро Тосканини. Она с блеском окончила Парижскую консерваторию, где училась у Альфреда Корто, и после стажировки в Вене объездила с гастрольями все крупные города Европы и Америки. Играла и в Букингемском дворце перед королевским семейством. Везде встречала восторженный приём.

В 30-х годах Вера Лотар вышла замуж за инженера-акустика Владимира Яковлевича Шевченко, которого за созданные им прекрасные скрипки называли русским Страдивари. По одним данным, он был сотрудником советского торгпредства, по другим - сыном эмигрантов первой волны, мечтавшим вернуться в Россию. В семье было трое детей: двое сыновей от первого брака мужа и один их общий ребёнок.

В конце 30-х годов Владимир Яковлевич добился разрешения въезда в СССР, и счастливая молодая семья переезжает в Ленинград, где уже свирепствовали репрессии. Мужа вскоре арестовали за шпионаж, а убитая горем жена явилась в органы и после долгих объяснений с доблестным чекистом заявила, стукнув кулаком по столу, что если такого прекрасного и честного человека, каким является её муж, обвиняют в преступлениях против власти, то пусть арестуют и её. Тут же были вызваны конвоиры.

Её отправили в огромный Тавдинский лагерь, где в ужасающих условиях вместе с уголовниками отбывали срок артисты, музыканты и другие представители интеллигенции. Она не любила вспоминать то страшное время. За эти годы её муж сгинул в лагерях, а двое детей погибли в блокадном Ленинграде. Она же превратилась из красивой цветущей женщины в больную старуху, сохранившую, однако, свой неукротимый характер и творческую одержимость.

Во многих публикациях о Вере Лотар-Шевченко описывается, как она вырезала на нарах ножом клавиатуру фортепиано и в редкие свободные от каторжного труда часы играла свои любимые произведения Баха, Бетховена, Шопена, Дебюсси. Измученным нечеловеческими условиями соседкам по лагерному бараку казалось, что они слышат эту бессмертную музыку, так вдохновенно было лицо исполнительницы и так выразительны её натруженные руки. В одной из передач радио Свобода журналист Юрий Данилин, близко знавший Веру Августовну в новосибирский период её жизни, рассказал, что ему удалось найти этот легендарный рояль на нарах.

В январе 1950-го закончился лагерный срок, и вскоре Вера Августовна в видавшем виды ватнике, юбке из мешковины и в стоптанных валенках приехала в Нижний Тагил, где ей предписано было жить. Она шла по городу и на ломаном русском просила испуганных прохожих указать дорогу к музыкальной школе. Я помню это старинное одноэтажное, давно снесённое здание музыкальной школы № 1 с маленьким уютным залом. Сюда пришла Вера Августовна, надеясь, что ей разрешат поиграть на фортепиано после стольких лет отлучения от любимого искусства. Помню я и многолетнего директора этой школы Марию Николаевну Машкову. Эта

интеллигентная добрая женщина приветила опальную пианистку. На свой страх и риск она устроила её на полставки иллюстратором музыки, поскольку преподавать официально вчерашней зэчке никто бы не позволил. Мария Николаевна на первых порах помогла ей с жильём и одеждой.

Заработок иллюстратора был ничтожен, и чтобы выжить, Вера Августовна стала давать частные уроки музыки. Среди её учеников в Нижнем Тагиле были дети семейств Мировских, Римша, Николаевых, Покровских, Фискиндов, Гуськовых, Угодниковых. Некоторые из них впоследствии написали о Vere Августовне тёплые воспоминания.

Приведу отрывки из статьи За роялем Лотар-Шевченко инженера Э. Ю. Фискинда, сын которого несколько лет учился у неё. Кто-то из новых знакомых посоветовал Vere Августовне обратиться в драматический театр. Она туда пришла, села за инструмент, сыграла и... победила: её приняли концертмейстером. Более того, предоставили небольшую изолированную комнату в квартире, где жила семья артиста.... Готовых клавиров к спектаклям Вера Августовна не имела и своих записей музыки не вела: ей было недосуг писать ноты. Все строилось на импровизации... Когда мы договаривались об уроках, Вера Августовна задала только один вопрос: Ваш сын способный? Она не признавала длительного разучивания гамм. Месяца через два после начала занятий она сделала серьезное замечание своему ученику: - Как тебе не стыдно. Такой большой, уже тринадцать лет, и ты плохо играешь сонату Бетховена, а он написал ее, когда ему было восемь! ... После уроков Вера Августовна частенько у нас задерживалась, много играла в свое удовольствие. Ее манера напоминала мне игру Эмиля Гилельса - мощный аккордный удар. Взгляд пианистки устремлялся в бесконечность. Только ей ведомо было, куда уносилась она мыслями в эти минуты. Сидящие вокруг как бы переставали существовать для нее. Не дай Бог, если в это время звонил телефон, и приходилось брать трубку. Она возвращалась к реальности и больше играть не могла. Вера Августовна иногда теряла контроль над временем, и тогда при ее рассеянности возникали курьезные ситуации. Как-то однажды от нас она должна была отправиться на концерт во Дворец культуры металлургов. Времени оставалось в обрез. Не успели мы оглянуться, как Вера Августовна, забыв свои туфли и надев боты нашего сына, умчалась на концерт...

Интересно, что одновременно с Верой Августовной в Нижнетагильском драмтеатре работал Владимир Мотыль, будущий режиссёр бессмертного шедевра Белое солнце пустыни. Говорят, что образ прелестной Полины Геббель-Анненковой из другого его нашумевшего фильма Звезда пленительного счастья был во многом навеян судьбой и характером Веры Лотар-Шевченко.

Любимыми ученицами Веры Августовны в Нижнем Тагиле были сёстры Геля и Таня Гуськовы. Ангелина Константиновна стала известным в стране врачом-радиологом, руководителем московской клиники. Татьяна Константиновна, впоследствии почётный гражданин Нижнего Тагила, краевед и историк, профессор НТГСПА, написала о своей незабвенной учительнице статью «Её слушал Ромен Роллан», опубликованную в газете Тагильский рабочий за 10 марта 2007 года.

В очерке «Странная француженка» журналистка газеты Тагильский рабочий Н. Дузенко тоже пишет о тесном общении Веры Августовны с семьёй Гуськовых: ...Старинное немецкое пианино с подсвечниками. Она

очень любила этот инструмент, уют и гостеприимство этой квартиры. Собранная здесь библиотека французских книг подарила редкую возможность читать на родном языке.

- Скажите, а каким она была педагогом? Наверное, очень строгим? - спрашиваю у хозяйки, преподавателя кафедры истории педагогического института Татьяны Константиновны Гуськовой, которой посчастливилось быть ученицей Лотар-Шевченко.

- Вера Августовна всегда давала очень трудные вещи. Терпеливо слушала. А потом подходила к инструменту со словами: Нужно играть вот так, - и исполняла произведение - одно, другое, третье. Так урок превращался в концерт, и все, кто был рядом, бросали дела и, затаив дыхание, слушали...

Она жила в каком-то своем особом мире, была абсолютно беззащитна и непрактична в делах житейских, бытовых. Казалось, что ей безразлично, как она питается, во что одета. Музыка заполняла ее всю без остатка, была смыслом существования, жизнью и счастьем. Это видно даже из письма, которое бережно хранит Татьяна Константиновна. Почти все, от начала и до конца, оно о музыке: Ездил на гастроли с оркестром в Архангельск, Мурманск и т.д. Сейчас очень много работаю и готовлю концерт к юбилею Шопена. Буду играть 24 этюда и четыре баллады. Концерт разрешили дать после прослушивания в Москве, комиссия дала мне блестящие отзывы. Как странно и противоположно это мнение тому, что было в Свердловске...

- До тех пор, пока я не услышала в ее исполнении Шопена, считала его музыку утонченно-изысканной, несколько салонной, - вспоминает Т. К. Гуськова. - Наполненные бурным темпераментом произведения в ее исполнении звучали и воспринимались совсем по-новому. Не только в музыке, но и в характере Веры Августовны наблюдалась некая порывистость, горячность - вероятно, эти качества она унаследовала от матери - испанки знатного рода.

Несмотря на добрые отношения тагильчан к Вере Августовне, выдающейся пианистке мучительно не хватало концертной деятельности. После смерти Сталина, когда ослаб гнёт репрессивной машины, она добилась реабилитации и разрешения жить в областных центрах. Она переехала в Свердловск в надежде устроиться солисткой филармонии. Об этом непростом этапе жизни исполнительницы говорится в очерке Нинель Пляцковской *ВспомнилсЯ Нижний Тагил*, опубликованном в журнале *Балтийские сезоны*, и в книге Зеры Германовны Мышкиной *Люблю гармонию*, где Вере Августовне посвящена глава *Французский феномен*.

В Свердловске Вера Августовна сняла комнату у вдовы профессора Соколова Анны Георгиевны в одном из коттеджей, окружённых яблоневым садом. Ещё недавно эти дома можно было увидеть в районе цирка. Там было уютно, но холодно. Вера Августовна отчаянно мёрзла, согревая свои и без того застуженные в лагере руки в старенькой меховой муфте. На прослушивании перед поступлением в филармонию она играла прелюдии и фуги из I тома Хорошо темперированного клавира Иоганна Себастьяна Баха. Высокая комиссия была поражена неженской мощью её исполнительской манеры.

Вот отрывки из статьи Нинель Пляцковской: На первые, свободные от хлеба насущного деньги, она взяла напрокат кабинетный рояль, а при следующей возможности сшила себе черное концертное платье, явно для

филармонических стен, хотя до них еще было далеко... Хорошо помню ее первый концерт в Свердловской филармонии. В этот вечер несколько близких людей были рядом с ней. Перед началом концерта в комнату, где она готовилась, заглянула ведущая, посмотреть, как выглядит Вера Августовна. Это был слегка интеллигентный контроль. Она одобрительно кивнула на то самое черное платье, сшитое довольно загодя. На что после ее ухода Вера Августовна сказала: Она думает, что я из Тагила, она забыла, что я из Парижа. Фраза звучит вроде вызывающе, но В. А. произнесла ее вполне умеренным тоном, как нечто само собой разумеющееся. Для нее это был непреложный факт жизни. Не более. Но и не менее.

Я почти уверена, что это знаменитое платье, в котором Вера Августовна не раз выступала, было сшито у той тагильской портнихи, которая когда-то рассказала мне о судьбе пианистки.

Приведу цитату из статьи Французский феномен музыковеда и писательницы Зеры Германовны Мышкиной: В концертах Лотар-Шевченко играла преимущественно произведения зарубежных классиков: Карнавал Шумана, сочинения Листа и, конечно, французских импрессионистов. Я слышала ее интерпретацию пьес Дебюсси Колокола сквозь листву, То, что видел западный ветер, Девушка с волосами цвета льна. Пианизм Лотар-Шевченко отличался от нашего напевного русского какой-то мужественной сухостью, в нем не было обычной импрессионистской тонкости, акварельности красок, хрупкого мира изменчивых впечатлений, видимо, её пальцы утратили былую мягкость и гибкость. Некоторым музыкантам казалось, что она играет не так, как принято, не одобряли ее трактовку, иной раз даже обвиняли в дилетантстве...

И снова цитата из статьи Нинель Пляцковской: Надо было преодолеть массу предубеждений, музыкальных и внемузыкальных. Для одних, власть имущих, она была недавним политзеком, для других, в частности, преподавателей Свердловской консерватории (они должны были дать свое добро на ее право работать в филармонии), творческим чужаком. Она говорила, что ее все время обвиняли не в той трафтовке Листа или Шопена, и просила объяснить смысл этого не вполне понятного ей слова. Из-за этой непривычной для русского уха трафтовки Вере Августовне редко разрешали сольные концерты. Она вынуждена была колесить по маленьким городам и сёлам области в составе бригад для сборных концертов и музыкально-просветительских лекториев. Пожилой женщине это было тяжело, да и не соответствовало масштабам её дарования. В пору пребывания Веры Августовны в Свердловске произошло событие, во многом скрасившее боль невосполнимых потерь - неожиданно нашёлся пасынок, старший сын её любимого погибшего мужа. Вот как описывает это событие Нинель Пляцковская: ...Из конверта выпала фотография молодого мужчины. Всмотревшись в нее, В. А. буквально захлебнулась от волнения. ... Письмо было от старшего сына В. Я. Шевченко. Став взрослым, он сильнейшим образом походил на своего отца, что и привело ее в первый момент в полное смятение. Теперь он носил фамилию Ярового, на которую по родственным связям имел право. И вот Денис Яровой писал, что ему, как старшему и знавшему языки, с началом войны удалось добровольно уйти в действующую армию, младшие же братья, увы, действительно погибли во время блокады. Письмо-исповедь начиналось с момента, когда их разлучили. Денис тоже был потрясен новостью, которую узнал. Ведь и он считал ее погибшей... О себе он

писал, что решил продолжить дело отца и тоже стал мастером-акустиком, создателем смычковых инструментов (забегая вперед, скажу, что, спустя время, он получил серьезное признание в своей области, дважды был победителем крупных международных конкурсов). До конца жизни Вера Августовна сохранила тёплые родственные отношения с вновь обретенным пасынком, которого она ласково звала Денисико. К сожалению, творческая жизнь пианистки в Свердловске складывалась не так, как ей хотелось. Не найдя понимания у свердловской музыкальной элиты, Вера Августовна переезжает в Барнаул, но и там мало кто осознал, какого уровня пианистка работает в местной филармонии. И только случайная встреча в конце 1965 года со столичным журналистом Симоном Соловейчиком изменила к лучшему её судьбу. После нашумевшей статьи «Пианистка» Веру Августовну пригласили в Академгородок под Новосибирском.

В последние 16 лет жизни к Вере Августовне, наконец, пришло всесоюзное признание. Она успешно гастролировала в крупнейших центрах страны, посетив Одессу, Москву, Киев, Владивосток и любимый ею Ленинград. Уже никто не обвинял её в неправильной трактовке Шопена, Дебюсси и Равеля. У неё было своё видение мира и свой взгляд на исполнение бессмертных музыкальных шедевров.

В Новосибирске Вера Августовна общалась в среде высокоинтеллигентных людей, многие из которых знали родной ей французский язык. Её любили студенты и учащиеся знаменитой ФМШ – физико-математической школы для одарённых детей. Говорят, что часто дверь её квартиры была приоткрыта – она играла, а молодые люди сидели на ступенях лестницы и заворожено слушали.

Умерла Вера Августовна 10 декабря 1982 года. Её похоронили на Южном кладбище Академгородка. На скромном могильном камне высечены её слова: Жизнь, в которой есть Бах, благословенна.

Почему она не вернулась во Францию, когда появилась такая возможность? В многочисленных публикациях пишут, что на такие вопросы она обычно отвечала: Это было бы предательством памяти русских женщин, помогавшим мне выжить в адских условиях заключения. В других статьях приводится иной её ответ: Зачем возвращаться, мне и здесь хорошо.

Мне кажется, ни первый, ни второй ответы не отражают истинных причин столь упорного её отказа покинуть СССР. Разве русские женщины-мученицы, разделившие с Верой Августовной страшные годы неволи, не поняли бы её стремление вернуться домой? И так ли уж ей было хорошо в нашей стране, даже когда она получила возможность концерттировать в крупных городах? Сравнима ли эта её известность с той, какую она имела бы, с комфортом живя во Франции и разъезжая с гастролями по всему миру? В разговоре с Симоном Соловейчиком Вера Августовна так объяснила нежелание вернуться в Париж: В жизни никогда нельзя возвращаться назад. И это было сказано ещё в Барнауле, когда она выступала в полупустых холодных клубах провинциальных городов, часто не встречая понимания, жила в крошечной квартирке, где измученные нескончаемыми мощными аккордами соседи постоянно стучали в стену, прося хотя бы немного тишины. Она очень страдала от холода долгих снежных зим.

Наталья ПОЗДНЯКОВА.

Литература: Газета, Тагильский вариант, №20(69) от 07.06.2012.